

Н.А. Дубова

МИГРАЦИИ И ТОРГОВЛЯ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Проблемы переселения отдельных (как малых, так и больших) групп населения на значительные расстояния – одни из базовых во многие периоды истории человечества. Для территории Центральной, Средней Азии они имеют не меньшее значение, чем для Европы или Американского континента. Археологические эпохи неолита-бронзы занимают особое место в процессах сложения населения мира. Именно в эти периоды имеют место активные перемещения народов, в том числе и на обширных пространствах от Ближнего Востока до горных систем Памира и Гималаев. На археологическом материале, дающем нам основные материальные свидетельства тех эпох, движения предметов, их комплексов фиксируются достаточно четко. По ним восстанавливаются и элементы духовной культуры. Аналитические разработки структурной лингвистики позволяют проследить и очаги возникновения древних языков, изменения их ареалов. Но в большинстве случаев перед исследователями встает вопрос: а не передаются ли артефакты, представления древних, языки просто в результате обмена, торговли, общения? И нередко единственно кто может дать ответ на этот вопрос, это антропология, так как она, в отличие от других упомянутых научных дисциплин (археологии и лингвистики), способна подтвердить собственно физическую миграцию носителей культуры, духовного мира и языка. “Появление нового антропологического комплекса... непременно говорит о примеси нового населения, так как комплекс этот распространяется при переселении людей либо в результате брачных контактов. В этом заключается громадное значение антропологического материала как тонкого индикатора миграций, особенно в древние эпохи, что невозможно выяснить с помощью данных других наук” (Алексеев, 1989. С. 152).

Более того, как это было уже давно показано академиком В.П. Алексеевым, антропологические данные демонстрируют свои высокие разрешающие способности на протяжении всего периода человеческой истории, в отличие, например, от археологии, наиболее продуктивно работающей только в дописьменную эпоху, или общей истории, ценной особенно в последнюю (Алексеев, 1977). Именно поэтому при анализе истории любого периода древности только комплексный подход с учетом данных разных дисциплин, в том числе и антропологии, наиболее продуктивен.

В последние десятилетия, когда многие, ставшие классическими, представления подвергаются переосмыслению, а то и полному отрицанию, выводы, сделанные на основе анализа морфологических особенностей древних популяций, нередко не принимаются во внимание, так как они якобы не столь объективны, как результаты сопоставления генетических показателей. Поскольку специалисты смежных с антропологией дисциплин (например, археологии, этнографии, истории и др.) часто используют полученные ею

выводы, нельзя не сказать несколько слов, чтобы развеять это глубокое заблуждение. Между размерами черепа, других костей скелета и генами, эти размеры определяющими, существуют сложнейшие взаимоотношения. Наличие или отсутствие мельчайшего фрагмента ДНК (гена) может быть причиной, например, первой или второй группы крови или повышенной чувствительности к определенным веществам, но этого недостаточно, чтобы длина тела одного человека была больше таковой другого хотя бы на 1 см. Такие характеристики определяются массой факторов: и генетическими, и средовыми. Только совместное и очень непростое взаимное действие многих генов влияет на то, длинная или короткая голова, сильно или слабо выступает нос и какой он длины... Число же известных генов, функции которых определены, пока весьма незначительно. В подавляющем большинстве случаев – это гены, кодирующие синтез отдельных белков. О генах, взаимодействие которых определяет форму биологического организма, направление его развития, пока практически ничего не известно. Стоит отметить, что не известны пути наследования и таких, казалось бы, простых признаков, как, например, цвет волос и глаз. Что уж говорить про столь сложные системы организма человека, как его скелет и даже отдельный череп!

Генетики исследуют, естественно, встречаемость тех генов, которые им известны (например, все популяции мира сравниваются по частотам групп крови АВО – см.: *Boyd*, 1958). Это приводит к результатам, заметно отличающимся от тех, которые получены на основе изучения морфологии народов мира. Антропология начинала свою историю также с сопоставления распространения отдельных признаков (вспомним, например, всем знакомый черепной указатель; кстати, его введение уже было попыткой обобщения информации, так как он учитывает фактически три признака – длину, ширину головы и их соотношение). Но колоссальные усилия специалистов привели их к однозначному выводу о необходимости сопоставления групп по комплексу биологических характеристик. Именно поэтому выводы, полученные на основе анализа комплекса морфологических признаков, каждый из которых, как говорилось, является выражением действия сразу многих генетических и средовых факторов, дают возможность сравнения групп не по отдельному гену, а по значительной части генофонда. Современной молекулярной генетике, несмотря на ее бурное развитие и наличие вычислительной техники, видимо, потребуется еще значительный временной промежуток, чтобы перейти на столь высокий уровень сопоставлений. Безусловно, более эффективными в этом направлении были бы совместные усилия морфологов и генетиков. Отмечу еще раз, что последние два абзаца помещены здесь исключительно с одной целью: убедить специалистов смежных дисциплин не игнорировать результаты исследования классических морфологических признаков в угоду новым генетическим “веяниям”, а учитывать и те, и другие.

Уже многие десятилетия умы исследователей волнует проблема прародины индоевропейцев. С ней тесно увязаны проблемы происхождения индоиранцев и локализации арийской прародины. Библиография по этим темам огромна (см., например, библиографию в работах: *Сафронов*, 1989; *Кузьмина*, 1994; 2005; *Parpola*, 1994; *Григорьев*, 1999; *Grigoriev*, 2002 и др.).

Кроме лингвистических, для решения проблемы привлекаются археологические и антропологические данные. Возможность их использования для этногенетических и историко-лингвистических построений также постоянно дискутируется (одна из последних работ: *Lamberg-Karlovsky*, 2002). В российской науке доминирует концепция локализации арийской прародины в степях Восточной Европы, причем носители этих языков связываются с разными конкретными культурами. Наиболее распространена точка зрения на индоиранскую принадлежность срубно-андроновских племен (*Смирнов, Кузьмина*, 1977; *Кузьмина*, 1994; 2005). На близкой основе со срубно-андроновской культурой Восточной Европы формировалась алакульская культура населения Зауралья. Носители последней продвигаются на юг, что расценивается многими специалистами как миграция ариев в Индию.

Другую точку зрения, поддерживаемую в настоящее время значительно меньшим числом ученых, отстаивают В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе. Исследователи предположили, что диалекты индоевропейского праязыка вместе с их носителями распространились по Евразии из области, находившейся в сфере древнеближневосточных культур, скорее всего из ареала Северной Месопотамии, пограничного с Восточной Анатолией – исторической Арменией (юго-восточной частью современной территории Турции) и северо-восточной Сирией (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984; *Gamkrelidze, Ivanov*, 1995). Индоиранцы, отколовшись от индоевропейских племен, по их мнению, оседают в северной части Ирана, откуда впоследствии мигрируют в Индию, Северную Месопотамию и в степную зону (дальнейшее подтверждение этой концепции, с учетом открытий последних двух десятилетий, см.: *Иванов*, 2004). Важнейшим свидетельством миграции ариев, как отмечают все исследователи, является наличие у племен колесницы и одомашненной лошади.

В 1972 г. в песках восточных Каракумов (в 80 км к северу от современного г. Байрамали) В.И. Сарияниди было обнаружено крупное поселение эпохи бронзы – Гонур-депе (в переводе с туркменского – серый холм). Тогда же начались и первые его раскопки, продолжающиеся до настоящего времени (*Сарияниди*, 1990; 2001; 2002a; 2005; *Sarianidi*, 1998). Как ныне стало ясно, Гонур – крупнейшее поселение эпохи бронзы среди более чем 500 выявленных в древней дельте р. Мургаб (*Gubaev, Koshelenko, Tosi*, 1998). По своей архитектуре и сделанным находкам он вполне соответствует статусу столичного поселения страны Маргуш. Имеется значительное число радиоуглеродных дат (*Сарияниди*, 1990; 1994; *Хиберт*, 1994; *Hiebert*, 1994; *Junger*, 2004), которые показывают, что памятник был обитаем в течение нескольких сотен лет: приблизительно с 2300 до 1600 г. до н.э. Стратиграфические наблюдения и полученные радиоуглеродные даты показывают наличие трех периодов внутри единого культурного горизонта. Первый период длился со времени основания комплекса (2300–2250¹ гг. до н.э.) до большого пожара, разрушившего всю центральную часть кремля (1800–1700 гг. до н.э.). Второй период продолжался около 200 лет² после большого пожара. Центральная

¹ Калиброванные даты.

² Учитывая ошибку метода радиоуглеродного датирования для этого периода времени

часть кремля и храмовых построек была отремонтирована без значительных изменений. Третий период (около 1600 г. до н.э.) связан с уходом правящей верхушки Гонура вслед задвигающейся на запад водой Мургаба³, утратой городом своего столичного значения и полным запустением поселения.

Археологические материалы Гонур-депе свидетельствуют, что он – типичный объект Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) – культурной общности эпохи бронзы, существовавшей на обширной территории Юго-Западной Азии, выделение которой обосновал В.И. Саррианиди (1990. С. 74–89), а ныне признает большинство специалистов. Ряд исследователей использует для наименования этого комплекса название Цивилизация Окса (см., например: *Ligabue, Salvatori*, 1989; *Francfort*, 1984; 2004, и др.).

Происхождение БМАК рассматривается по-разному. По мнению В.И. Саррианиди, Гонур, как и другие поселения древней дельты Мургаба, был основан мигрантами с далекого запада. Исследованиями геоморфологов установлено, что во второй половине III тыс. до н.э. на обширной территории Древнего Востока (от Греции до долины Инда) наступает так называемый “ксеротермический кризис”. Это привело к тому, что племена из засушливых районов вынуждены были переселяться в другие, более благополучные места с обеспеченным ирригационным балансом. В отдельных областях Ближнего Востока, в частности в бассейне Мургаба, располагались отдельные оазисы, которые этот кризис не затронул. Там имелись плодородные земли, не испытывавшие недостаток в воде.

Первые попытки освоения дельты Мургаба были предприняты еще в середине IV тыс. до н. э., когда в Келлелийском оазисе появились отдельные немногочисленные группы “геоксюрских” племен, выходцев из юго-восточного Туркменистана. Но эти попытки оказались неудачными, и уже вскоре геоксюрские племена покидают древнюю Маргиану (*Масимов*, 1986; *Саррианиди*, 1990). В конце III тыс. до н.э. отмечается достаточно широкое освоение древней дельты Мургаба пришлыми со стороны Месопотамии племенами, культура которых и получила условное название БМАК. Пришлые племена, перевалив Туркмено-Хорасанские горы и вступив на территорию южного Туркменистана, довольно быстро и достаточно безболезненно смешались с местными южнотуркменистанскими аборигенами, жившими в предгорьях Копетдага едва ли не с VI тыс. до н.э. По крайней мере, следы БМАК отмечаются на большинстве памятников от Ашхабада до Серакса (Ашхабадское поселение, Анау, Намазга Тепе, Улуг Тепе у Душака, Алтын Деде и др.), что указывает на большие масштабы племенного расселения.

Изучение новейшего гонурского материала (особенно по результатам раскопок 2004–2006 гг.) принесло много новых фактов, которые указыва-

(самые хорошие образцы дают погрешность в 100–120 лет), приведение абсолютных дат в этом случае вряд ли целесообразно.

³Как установлено гидрологами, русла всех рек Средней Азии, протекающих по аллювиальной равнине, постепенно смещаются с востока на запад. Археологические данные показывают, что центр Маргианы перемещается в середине II тыс. до н. э. в Тоголокский оазис.

ют на безусловное смешение местных южнотуркменистанских культурных традиций с таковыми населения, с одной стороны, Элама, Западного Ирана, и опосредованно через них западного Средиземноморья и Египта, а с другой, – с долиной р. Инд и Белуджистана (*Сарианиди*, 2001; 2002а; 2004). Отмечаемое сходство, по мнению В.И. Сарианиди, не может быть объяснено только торговыми связями этих регионов. Он полагает, что физическая миграция населения была одним из ведущих факторов сложения облика БМАК и Гонура, в частности.

В ранних гонурских горизонтах не прослеживается абсолютно никаких следов присутствия степных культур. Все номадические памятники, следы которых зафиксированы в Маргиане, датируются серединой – второй половиной II тыс. до н.э. В самых верхних слоях Гонура (на восточном фесе дворцово-храмового комплекса), практически на современной дневной поверхности, найдено 3 (!) фрагмента черной лепной керамики, на одном из которых имеется степная орнаментация. Все остальные керамические изделия (несколько тысяч единиц), обнаруженные как в погребениях некрополя, так и в руинах дворцово-храмового комплекса, а также в помещениях во всех трех перечисленных выше горизонтах, очень высокого качества. Они в большинстве своем тонкостенны и сделаны из белой глины на гончарном круге, что заставляет относить их изготовителей и владельцев к высокоразвитым земледельцам. Остается только сожалеть, что керамический комплекс Гонура до сих пор остается неизученным. Имеющиеся краткие публикации (*Удеумуратов*, 1993; *Udeumuradow*, 2002) никак не могут претендовать на полноту исследования этого богатейшего источника информации.

Часть специалистов видит в БМАК локальную независимую археологическую культуру, сформировавшуюся на основе разнообразных традиций предшествующих культурных общностей близлежащих территорий: Намазга, долина Инда/Белуджистан, Элам и степные регионы Евразии (*Hiebert*, 1994). Вариантом такой точки зрения является позиция М. Този и С. Сальватори (*Salvatori, Tosi*, 1997). Исследователи считают, что количество и набор предметов, по которым прослеживается сходство на территории от Каракумов до Аравийской пустыни, не может быть объяснено только торговлей. Они считают, что во второй половине III тыс. до н.э. на всем Среднем Востоке от Индийской (Хараппской) цивилизации до Египта имеет место “великая трансформация” центральных поселений энеолитических очагов в городские образования. В наиболее выгодных экономически и по природным показателям областях происходит концентрация производственной, религиозной и административной деятельности. Другими словами, на громадной территории имеют место сходные процессы, в которые вовлекаются различные аборигенные народы, но связывает их общая идеология, которая детерминирует политическую структуру и религиозные верования (*Salvatori, Tosi*, 1997. С. 122–123).

Опираясь на наличие на территории Маргианы в середине II тыс. до н.э. небольшого числа стоянок степного облика, другие исследователи считают возможным выводить БМАК из взаимодействия аборигенных для южно-

го Туркменистана групп населения с пришедшими сюда номадами степей (Кузьмина, 1994; Cattani, 2004; Hiebert, Moore, 2004).

Существует и точка зрения, которая объясняет своеобразие культуры БМАК на фоне синхронных памятников Ближнего Востока и Центральной Азии наличием обширных торговых связей населения всех этих регионов (Francfort, 1989. С. 413–421). Специальное внимание обращается на торговлю и обмен оловом (Lyonnet, 2001).

Итак, главными вопросами, встающими в связи с изучением Маргианы, на которые может попытаться дать свой ответ антропология, являются следующие:

- являются ли насельники Гонура аборигенами Южного Туркменистана или это мигранты?

- если они – мигранты, то с какой территории или территорий?

Следует обратить внимание, что на пути поиска ответов на эти вопросы мы встретим совершенно объективные трудности, на которые нам указывают наши предыдущие знания об антропологии Ближневосточного и Центральноазиатского регионов. Прежде всего, это тот обоснованно установленный наукой факт, что Ближний Восток в той или иной степени является предковым для огромного большинства современных популяций человечества. А посему те гены или проявления их сочетаний в виде морфологических (краниологических и одонтологических, в частности) характеристик или даже комплексов, которые свойственны, например, неолитическим популяциям Двуречья, могут, благодаря сложным путям передачи их по наследству, проявиться в различных областях, в том числе и в весьма удаленных. В качестве конкретного примера можно привести хорошо известное многим словосочетание “средиземноморский” или его подразделение – “восточносредиземноморский” антропологический тип. То, что в эти, казалось бы, определенные антропологические единицы включаются популяции, характеризующиеся весьма разнообразными сочетаниями признаков, отмечалось уже очень давно (Carpieri, 1965; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 51–56. Табл. 6). Но этот разноробой вполне можно объяснить именно тем, что один и тот же генофонд проявляется в каждой конкретной ситуации по-разному. В то же время во всех случаях в целом сохраняются долихокефалия (относительно длинная и узкая черепная коробка; лептопрозопность и лепто- (нередко мезо-) ринния (относительно высокие и узкие лицо и нос); относительно крупные и круглые орбиты; высокое переносье и хорошо, нередко очень сильно, выступающий нос; очень высокий подбородок, который обычно выше высоты тела нижней челюсти, что усиливает визуальное впечатление резкости профилировки лица в горизонтальной плоскости.

Судя по всему комплексу исторических данных, по-видимому, можно говорить о многочисленных волнах переселенцев (выходцев из районов Двуречья, из Малой Азии, Восточного Средиземноморья в широком смысле слова или из области так называемого Полумесяца плодородных земель), которые передвигались в направлениях малоосвоенных и менее благоприятных по климатическим и природным показателям территорий, начиная с периода формирования человечества как нового биологического вида. Со временем

каждая из последующих волн наслаивалась на предыдущие. С генетической точки зрения мы, видимо, должны наблюдать, как разные части одного базового (развивающегося, безусловно, во времени) генофонда откалываются от него, перемещаются в пространстве и вступают во взаимодействие с ранее ушедшими частями, конечно, уже изменившимися в конкретных условиях своего существования. Нельзя забывать, что пришельцы появляются на территории, где аборигенные группы уже приспособились к жизни в новых условиях, благодаря различным генетическим процессам уже приобрели свои особые черты, которых не было у их далеких предков, некогда (возможно, даже тысячи лет назад) пришедших также с запада. Важно отметить, что когда в единую общность объединяются группы, в разные периоды времени (иногда весьма отдаленные друг от друга) оторвавшиеся от единой материнской, также не остававшейся ни в коей мере стабильной прапопуляции, генофонд последней внешне проявляется в весьма архаичном виде. Здесь вряд ли возможны прямые аналогии, но как образ того, что происходит, мы можем наблюдать, например, в мире животных. Так, хорошо известно, что при смешении разных пород собак (или лошадей, голубей), отличающихся своими размерами, окраской, пропорциями и прочими признаками, метисная группа будет очень близко напоминать предковую дикую особь, имеющую нейтральные свойства.

Конечно, обрисованная схема весьма условна и очень приближительна, поскольку речь идет о формировании населения на огромных пространствах – процессах, которые были намного более сложными. Но именно отмеченные обстоятельства и приводят к тому, что чем ближе к нашему времени историческая эпоха, о которой идет речь, и чем она дальше отстоит от верхнепалеолитической, тем сложнее проследить присутствие новых пришельцев именно с запада по изменению антропологических характеристик населения.

Ситуация с Гонуром – крайне интересна. Как хорошо известно, неолитическое население прикопетдагских равнин в той или иной степени родственно неолитическому населению Ближнего Востока, что отмечается и антропологами, и прослеживается в отношении их культур археологами. Гонур, как показывает весь комплекс данных, основан в конце III тыс. до н.э., т.е. “всего” на 1–2 тысячи лет позже, причем на территории, которая ранее была незаселенной. Благодаря тому, что полностью раскопан некрополь Гонура (2853 погребальных сооружения), где захоронения совершались в течение всего времени функционирования дворцово-храмового комплекса, но преимущественно в первый и второй периоды, мы можем судить о первых поселенцах этого памятника. Больше того, в последний период обитания на Гонуре, на его руинах также совершались погребения. Так, к весне 2006 г. здесь было раскопано 740 могил⁴ (из них 231 на территории дворца). Это позволяет проанализировать изменение антропологических особенностей

⁴ Отметим, что в настоящее время раскопки дворцово-храмового комплекса продолжаются, поэтому общее число погребений может увеличиться. Во время каждого сезона работ (весеннего и осеннего) на руинах обнаруживается около 100 захоронений.

жителей Гонура за все время его существования, т.е. за 700–800 лет. Но, исходя из вышесказанного, самое главное – это то, что мы имеем возможность сопоставить антропологический облик неолитического населения Южного Туркменистана с новыми насельниками древней дельты Мургаба. Гонурцы, как это отмечалось ранее, по результатам анализа археологического комплекса являются мигрантами, пришедшими, по мнению автора раскопок В.И. Сарияниди, из районов Элама. При этом признаются широкие культурные и торговые контакты, в том числе с Хараппской цивилизацией долины р. Инд. Возвращаясь к генетико-антропологической терминологии, следует сказать, что если В.И. Сарияниди прав, то гонурский материал позволяет сопоставить неолитических “потомков” ближневосточной прапопуляции с фрагментом ее же, но развивавшимся в течение нескольких (возможно, двух–трех) тысяч лет.

Если более соответствует действительности точка зрения о локальной независимости населения БМАК, тогда мы должны увидеть практическое сходство между населением предшествующей эпохи Южного Туркменистана (предгорья Копетдага). В этом случае, если и будут обнаружены отличия гонурцев от неолитического населения Южного Туркменистана, они должны укладываться в вариацию, которая описывает развитие неолитического антропологического облика в течение пары тысяч лет.

И, наконец, в том случае, если в формировании населения Гонур-депе принимали участие скотоводы степей, то мы, естественно, должны обнаружить и этот антропологический компонент в составе изучаемой популяции.

Учитывая массовость антропологического материала, которым позволяет оперировать Гонур (см. ниже), а также отсутствие более поздних культурных слоев ввиду полного прекращения жизни в этом бывшем оазисе в середине II тыс. до н.э., можно считать эту ситуацию во многом уникальной. Кроме того, Гонур “заполняет” одно из белых пятен на антропологической карте эпохи бронзы Средней Азии, несмотря на их многочисленность в целом (рис. 1), как это имеет место и в археологическом отношении.

В последней палеоантропологической сводке по данной территории В.В. Гинзбурга и Т.А. Трофимовой (*Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 48–88*) сведены и проанализированы материалы из Таджикистана (черепка из могильников Ранний Тулхар, Вахш, Макони-Мор) и Туркменистана (краниологические серии из Геоксюра, Кара-Депе, Хапуз-Депе). Начиная с 1964 г. Т.П. Кияткина публикует значительный антропологический материал из могильников поздней бронзы Южного Таджикистана – Тигровая Балка I, II, III, IV, Аруктау, Ранний Тулхар, Макони-Мор, Кызыл-Рабат, Тупхона (*Кияткина, 1964; 1965; 1974; 1976*). В 1977 г. Т.К. Ходжайов исследует материалы из крупнейшего поселения эпохи бронзы Сапаллитепа (*Ходжайов, 1977*), в 1978 – Т.К. Ходжайов и Х.Х. Халилов – из могильников Джаркутан и Бустан (*Ходжайов, Халилов, 1978а; 1978б; 1984*). Сводку данных по палеоантропологии западных районов Центральной Азии в эпоху бронзы, куда вошли изученные ею к этому времени новые краниологические серии из Юго-Западного (Пархай II, Сумбар) и Восточного (Геоксюр, Алтын-Депе) Туркменистана, из Южного Таджикистана (Тигровая Балка I, II, III, IV) и с Западно-

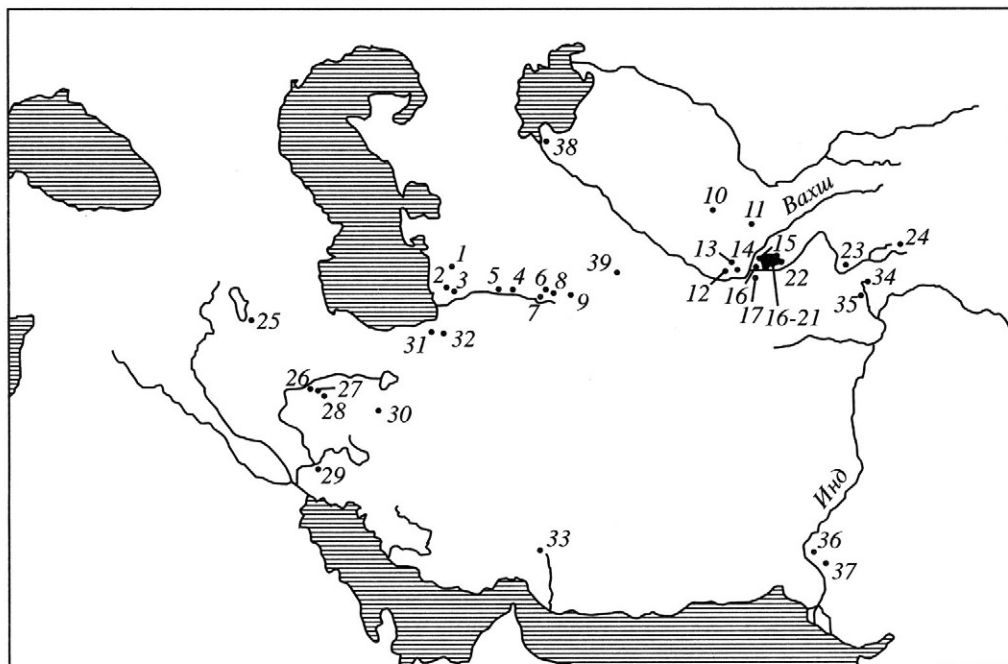

Рис. 1. Схема расположения находок эпохи бронзы в Центральной Азии

го Памира (Южбок II), подготовила Т.П. Кияткина (*Кияткина*, 1987; *Masson, Kijatkina*, 1981). В этой же монографии для сравнения привлекались данные с территории Луристана, из Тепе-Гиссара, Шах-Тепе, Сиалка, Шахр-и-Сохта из Ирана, из долины Свата (Тимаргарха, Буткара, Сарай Хола) на севере Пакистана, а также с территории Северной Индии (*Debetz*, 1962; *Ehrhardt*, 1965; *Bernhardt*, 1967; *Rathbun*, 1972; 1975; *Cappieri*, 1973). Отдельно материалы с территории Афганистана, Пакистана и Кашмира проанализировал В. Бернхардт (*Bernhardt*, 1991). А. Громов (1995) изучает новые черепа из Пархая II (юго-западный Туркменистан) и из Бустана (Узбекистан). Единичные черепа из синхронных памятников Южного Таджикистана изучает Л.Т. Яблонский.

Основной вывод исследователей заключается в том, что в эпоху развитой и поздней бронзы земледельческие племена описываемого обширного региона с антропологической точки зрения являлись частью мощного южноевропеоидного пласта. Главными отличительными чертами их внешности было среднее по высоте или высокое, очень резко профилированное (т.е. не плоское) в горизонтальной плоскости лицо, с сильно выступающим крупным носом (см. рис. IV; 2). Можно предполагать, что население, скорее всего, имело темные оттенки цвета волос и глаз. Географически этот пласт составляет единство с территорией Передней Азии, хронологически – восходит к древним, возможно мезолитическим, формам, распространенным

Рис. 2. Навершие серебряной булавки из некрополя Гонура

на данной территории. В некоторых могильниках (Кара-Депе, ранние слои Сиалка, Геоксюр, Алтындепе, Сапаллитепа, Тигровая Балка и Макони-Мор, Заман-баба, Тимаргарха) фиксируются крайне высоколицые, гиперморфные черепа. Т.П. Кияткина считает, что матуризованность строения не изменяет общей конфигурации черепа, соотношения отдельных его частей, а высоколицесть говорит, скорее, о большой древности этой особенности, восходящей, возможно, к мезолиту или даже верхнему палеолиту (*Кияткина, 1987. С. 51*). Среди всей массы антропологических материалов, несмотря на имеющиеся территориальные различия по высоте лица (более низкое – в южно-таджикостанских группах, более высокое – в Сапаллитепа и в южном Туркменистане), исследовательница не видит участия в формировании южного земледельческого населения протоевропеоидного “степного” расового типа (*Кияткина, 1987. С. 52*).

К противоположным выводам пришел А. Громов, изучивший на черепах из Пархай 2 (юго-западный Туркменистан) не только классические краниологические, но и дискретно-варьирующие признаки, а также сравнивший часть серий эпохи бронзы одним из наиболее популярных в настоящее время статистическим методом (*Громов, 1995. С. 157*).

Изучавший Тимаргарху В. Бернхардт, отмечая значительную общую индивидуальную изменчивость антропологических признаков на этом памятнике, среди прочего указывает на наличие веддоидных особенностей на двух женских, одном мужском и, возможно, одном детском черепах. Эти останки отличаются общей грацильностью строения, прямым лбом, слабо выраженным рельефом в области надбровья и ярко выраженным альвеолярным прогнатизмом. В. Бернхардт (*Bernhardt, 1967. С. 374*) считает возможным наличие определенного сходства этих останков с черепом, несущим

экваториальные черты, из Кокча 3 (Приаралье), описанным Т.А. Трофимовой (1961). Характерно, что такой крупнейший знаток антропологии Средиземноморья, как М. Каппиери (*Cappieri*, 1965) относит черепа из Кокча 3 также к восточносредиземноморскому типу. С ним, однако, не согласны отечественные исследователи, которые считают, что тазабагьябское население, которое и представляет Кокча 3, “формировалось на базе смешения срубных и андроновских племен лишь при некотором участии южных элементов” (*Гинзбург, Трофимова*, 1972. С. 54–55).

Б. Хемфилл публикует сравнение краниометрической вариации (14 размеров) населения северной Бактрии с южным Узбекистаном и долиной Инда (*Hemphill*, 1998). Всего он анализирует 12 памятников эпохи бронзы (544 черепа): серии поздней (1900–1600 BC) и развитой Хараппы (2500–2000 BC); джаркутанской (2000–1800 BC), кюзали (1800–1650 BC) и молайской фаз (1650–1500 BC) Джаркутана и сапаллийской фазы Сапаллитепе (2200–2000 BC) из Северной Бактрии; слоя развитой Хараппы из Мохенджо-Даро (2500–2000 BC); фазы SH1, II, III Шахр-и-Сохта (3000–2200 BC) из Восточного Ирана; серия неолита/железного века из Телл-аль-Юдиадаха (5000–640 BC) из Анатолии; серии Тепе Гиссар II (3500–3000 BC) и III (3000–1750 BC) из северо-западного Ирана и поздней бронзы/раннего железного века из Тимаргархи (1400–800 BC) в Пакистане. Особенностью работы является полное отсутствие ссылок на первых исследователей и авторов публикации основных серий эпохи бронзы Узбекистана – Т.К. Ходжайова и Х.Х. Халилова (*Ходжайов*, 1977; *Ходжайов, Халилов*, 1978а; 1978б).

Б. Хемфилл (*Hemphill*, 1999. Р. 149) проанализировал краниометрические данные по 12 энеолитическим и бронзовым сериям (657 взрослых черепов) из Центральной Азии, Ирана и долины Инда. Сравнение проведено методами D2 Махаланобиса, двумя типами кластерного анализа, многомерного скайлинга и анализом главных компонент. Результаты не подтверждают гипотезу поздней колонизации, но до некоторой степени подтверждается гипотеза раннего влияния. В то же время она не учитывает возможного влияния межрегиональных контактов и возможных генных потоков: от западного Китая до 2000 г. до населения Зеравшанской долины после 2000 г., которые могли играть основную роль в формировании цивилизации Окса внутри оазиса в Северной Бактрии.

Учитывая все имевшиеся до настоящего времени материалы из южных районов Средней Азии, логично было предполагать, что гонурские черепа не будут значительно отличаться от синхронных земледельческих. Но ситуация оказалась значительно более интересной и сложной.

Антропологические исследования при археологических раскопках на Гонуре проводились разными специалистами, в том числе итальянскими исследователями из отдела антропологии специального подразделения Национального Музея доисторической этнографии “Л. Пигорини” (Рим, Италия) А. Спердути, Л. Бондьоли и Р. Маккиарелли (*Sperduti, Bondioli, Macchiarelli*, 1995) и Б. Хемфиллом (США). Основной краниологический материал на некрополе Гонура был собран с 1998 по 2001 г. сотрудником Института истории при Кабинете Министров Туркменистана (г. Ашхабад) О. Бабаковым. Им

же проводилось определение пола и возраста погребенных. Осенью 2000 г., благодаря любезному согласию начальника Маргианской археологической экспедиции В.И. Сариниди и финансовой поддержке РГНФ (проекты № 99-01-00180а и 00-01-18034е), РФФИ (проект № 99-06-80496), а также выделению целевых средств РАН на проведение экспедиционных исследований, состоялся выезд группы антропологов Института этнологии и антропологии РАН для проведения полевых работ на некрополе.

О. Бабаковым были опубликованы и первые индивидуальные данные измерений 47 мужских и 36 женских черепов (*Babakov, 2002; Бабаков, 2004*). Итальянские специалисты, работавшие на некрополе в 1995 г., практически не изучали краниометрические параметры. Ими охарактеризованы 4 детских и 6 взрослых костяков, среди которых было 2 мужских и 3 женских (*Bondioli, Macchiarelli, 2002*). Основное внимание этими авторами было уделено описанию болезней древних людей (палеопатологии). Часть костного материала из раскопок 2000 и 2001 гг. была исследована несколькими антропологами (*Бабаков и др., 2001*). Начиная с весны 2002 г. в качестве антрополога в работе экспедиции участвует автор настоящей статьи, что стало возможно благодаря финансированию работ за счет Маргианской археологической экспедиции и частично Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурные взаимодействия в Евразии”.

Специфика черепной серии заключается в том, что полученные в результате раскопок костные материалы необходимо было исследовать за короткое время, так как все они в конце каждого сезона работ (весеннего и осеннего, соответственно) должны были быть перезахоронены. Сохранность материала, особенно костяков, принадлежавших взрослым, найденных на некрополе, весьма плохая. Об этом красноречиво свидетельствует число черепов, которые могли быть включены в анализ: 234 черепа (или 10,8%) из 2169 раскопанных погребений взрослых⁵. В результате ограбления более 80% могил во многих случаях скелеты сильно фрагментированы, кости, по-видимому, еще в древности долго находились под воздействием солнечного излучения и дождевой воды.

Костные останки людей из погребений на руинах дворцово-храмового комплекса сохранились несколько лучше. Нам удалось собрать в той или иной степени полную информацию о 112 черепах (53,6%) из 209 раскопанных погребений взрослых⁶. Этому способствовала и значительно лучшая сохранность костей. Так, нами найден 31 скелет (большинство полностью сохранились!) новорожденных детей; 11 из них представляют младенцев, родившихся преждевременно (самый младший – шестимесячный). Во многих случаях в младенческих костяках сохранились даже мелкие кости внут-

⁵ Из 2853 погребальных сооружений, найденных на некрополе, 74 были кенотафами, в 341 никаких костных останков обнаружено не было, а 269 принадлежали детям и подросткам (inf I, inf II, juv).

⁶ В анализ включены только материалы, собранные до 2004 г. Из упомянутых выше 740 захоронений почти 500 принадлежали детям, а 12 были кенотафами. По 231 погребению на территории дворца, к сожалению, мы не имеем антропологических данных, кроме половозрастных определений.

Таблица 1. Половозрастное определение антропологических материалов Гонура

Группа	Некрополь	Захоронения на руинах	Суммарно
Взрослые (старше 15 лет), чел. (%)	2258 (88,3)	203 (32,4)	2461 (77,4)
Дети и подростки, чел. (%)	298 (11,7)	422 (67,6)	720 (22,6)
Суммарно, чел. (%)	2556	625	3181
Женщины, чел. (%)	1304 (51,0)	238 (38,1)	1542 (48,5)
Мужчины, чел. (%)	1252 (49,0)	387 (61,9)	1639 (51,5)

Таблица 2. Показатели средней продолжительности жизни в эпоху бронзы

Период	Мужчины	Женщины	В среднем
Гонур дepe	36,7	36,3	36,5
Популяции эпохи ранней бронзы Европы*	33,3	29,5	31,4
Популяции средней бронзы Европы*	36,3	30,8	33,6
Популяции эпохи поздней бронзы Европы*	36,4	32,1	34,3

* Данные А.П. Бужиловой (2005)

ренного уха – молоточек, наковальня и стремечко. Имевшаяся во дворце и во всем комплексе продуманная дренажная система, безусловно, сыграла в этом немаловажную роль.

Главная уникальная особенность данной серии – значительная численность половозрастных определений на некрополе. Общая характеристика половозрастной структуры гонурской популяции представлена в таблице 1. Полученные данные показывают, что изучаемое население представляет весьма благополучную земледельческую популяцию⁷. Обращает на себя внимание то, что соотношения детских и взрослых погребений на некрополе и в руинах дворцово-храмового комплекса сильно различаются: на некрополе хоронили практически одних взрослых, на руинах – значительно чаще детей (табл. 2). Так, на некрополе встречено всего 1 погребение мальчика до 1 года и 50 (7 мальчиков, 2 девочки и 41 неопределенного пола) захоронений детей до 7 лет.

Напомним, что некрополь использовался для захоронения в течение всего времени существования центрального поселения (2300–1600 гг. до н.э.), т.е. около 700 лет, захоронения в руинах бывших храмовых построек – только на последнем этапе жизни данной популяции (приблизительно 200 лет). Поэтому те дети, что захоронены в погребениях на руинах, представляют лишь последние поколения жителей Гонура. Захоронения детей первых поселенцев на Гонуре пока не обнаружены. По мнению руководителя раскопок В.И. Сарияниди, в дворцово-храмовом комплексе жили только правитель

⁷ Описанию демографических параметров гонурской палеопопуляции посвящены специальные работы (Дубова, Рыкушина, 2005; 2006).

Гонура (Маргианы) и его семья. До настоящего времени жилые дома представителей разных социальных слоев на Гонуре или вокруг него не раскапывались. Учитывая, что Гонур, являясь самым крупным из выявленных в Маргиане поселений, был, по всей видимости, не только административным, но главным образом культовым центром страны, вероятно, погребения вблизи от него почитались особо. Поэтому с этой точки зрения не удивительно, что мы располагаем данными только о детях, захороненных в самый последний период заселения памятника.

В то же время, следует подчеркнуть, что основной некрополь раскопан полностью. Раскопки дворцово-храмового комплекса близки к своему завершению. Хотя еще остается неискрпленная территория, тем не менее, вполне можно полагать, что не менее 80% погребений уже раскопано. Материал, хотя и охватывает около 800 лет, для описываемой эпохи это не такой большой период. Важнее тот факт, что, судя по погребальным обрядам и по культурной атрибуции материальных остатков, на памятнике прослеживается полная преемственность населения: нет никаких свидетельств его смены или появления в какой-то период иноэтничных мигрантов (*Сарианиди*, 2001; 2002а; 2005). Поэтому есть все основания считать реальной палеопопуляцией объединенную серию, происходящую из некрополя и руин дворцово-храмового комплекса Северного Гонура.

Полученные данные демонстрируют практически нормальное соотношение полов с очень незначительным превышением числа мужчин над женщинами (1,06), что (на несколько меньшем материале) было отмечено Г.В. Рыкушиной (*Бабаков и др.*, 2001; *Dubova, Rykushina*, 2004). Превышение числа мужчин над женщинами в суммарной группе весьма незначительно, но, принимая во внимание численность серии, вполне достоверно. Поскольку это не соответствует нормальному биологическому распределению полов (1 : 1), можно предположить, что такое соотношение полов – следствие того, что первые гонурцы были мигрантами, одной из характерных черт которых является значительное превышение числа мужчин над женщинами. Поскольку в объединенной серии представлены все три периода жизни земледельческого поселения, соотношение полов со временем закономерно выровнялось и стало почти равным. Можно предполагать также, что часть женщин (около 36%) могла быть либо включена в состав популяции извне, либо группа населения, пришедшая на новую территорию, вытеснила часть местных мужчин, включив в свой состав местных же женщин. Археологически на данном памятнике не прослеживается стадиальных различий в обряде захоронения и в погребальных приношениях, поэтому, если верно второе предположение, то население, основавшее Гонур-депе и в нем обитавшее, скорее всего, пришло на данную территорию не одной, а несколькими волнами.

Детская смертность очень небольшая, что оказывается достаточно неожиданным для периода бронзы: из 903 детей до 16 лет дети моложе трех лет составляют всего 23,45% (212 человек). Младенческая смертность также мала – 9,41% (85 детей до 1 года из 903 до 16 лет). Доля детских возрастов (от 0 до 15 лет) в общей численности популяции составляет 24,83%, а детских и юношеских возрастов достигает всего 26,45% (716 человек из 2707).

Таблица 3. Краниологические материалы с Гонур-депе, включенные в данное исследование (*adultus-senilis*)

	Некрополь	P5, P6, P7, P8 Развалины	Суммарно
Мужские	126	56	182
Женские	108	56	162
Суммарно	234	112	346

Средняя продолжительность жизни мужчин (взрослое население) равна 36,67 лет, женщин – 36,30 лет, а суммарно – 36,48 лет. Средний возраст популяции (включая детей) составлял суммарно 29,86 лет; для мужчин – 29,27, для женщин – 30,49 лет. Средний возраст смерти взрослых мужчин выше такового женщин, в то время как для всей популяции соотношение обратно, хотя разница существенно ниже, чем во взрослой части популяции. В первой публикации палеодемографических данных по Гонурскому некрополю, а также в одном из докладов приводились отличные от этих данные (*Бабаков и др.*, 2001; *Дубова, Рыкушина*, 2005). Но тогда в анализ включались лишь данные по некрополю, в то время раскопанному еще не полностью, и не все материалы были подробно верифицированы. Здесь же приводятся сведения с учетом всего имеющегося на данный момент материала. При сравнении гонурских показателей с таковыми, рассчитанными для большого числа популяций Европы А.П. Бужиловой (2005), благополучность изучаемой нами популяции в демографическом плане становится совершенно очевидна (табл. 2).

В таблице 3 представлено общее число черепов и посткраниальных скелетов взрослых (*adultus – senilis*), найденных как на некрополе, так и на руинах дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (см. рис. 3, 4). Кроме указанных материалов собрана и представительная коллекция детских останков, которые в нашем тексте не затрагиваются, поэтому и сведения о них не приведены.

Предварительный анализ серии (*Бабаков и др.*, 2001) показал, что генеральные параметры мозговой коробки (длина, ширина и высота) черепов гонурского некрополя достаточно типичны для синхронного (эпоха бронзы) населения Среднего Востока от Месопотамии на западе до северо-западной Индии на востоке. Древнейшую основу здесь составляет население, сложившееся в результате длительного метисационного процесса между тропидами (наиболее вероятно, веддо-австралоидами в расовом отношении) и голарктидами (древними европеоидами в расовом отношении). В направлении к северу (в сторону Великой евразийской степи) примесь тропидов уменьшается, а у наиболее отдаленных краниосерий (окуневцы, карасукцы, плиточники Забайкалья), видимо, отсутствует полностью. Этот вывод согласуется с изменчивостью других краниометрических и угловых характеристик мозгового и лицевого скелета. По многим из них гонурская серия демонстрирует вариацию от самых малых до самых больших величин признаков, что дает веские основания говорить о ее неоднородности как в смысле фиксации

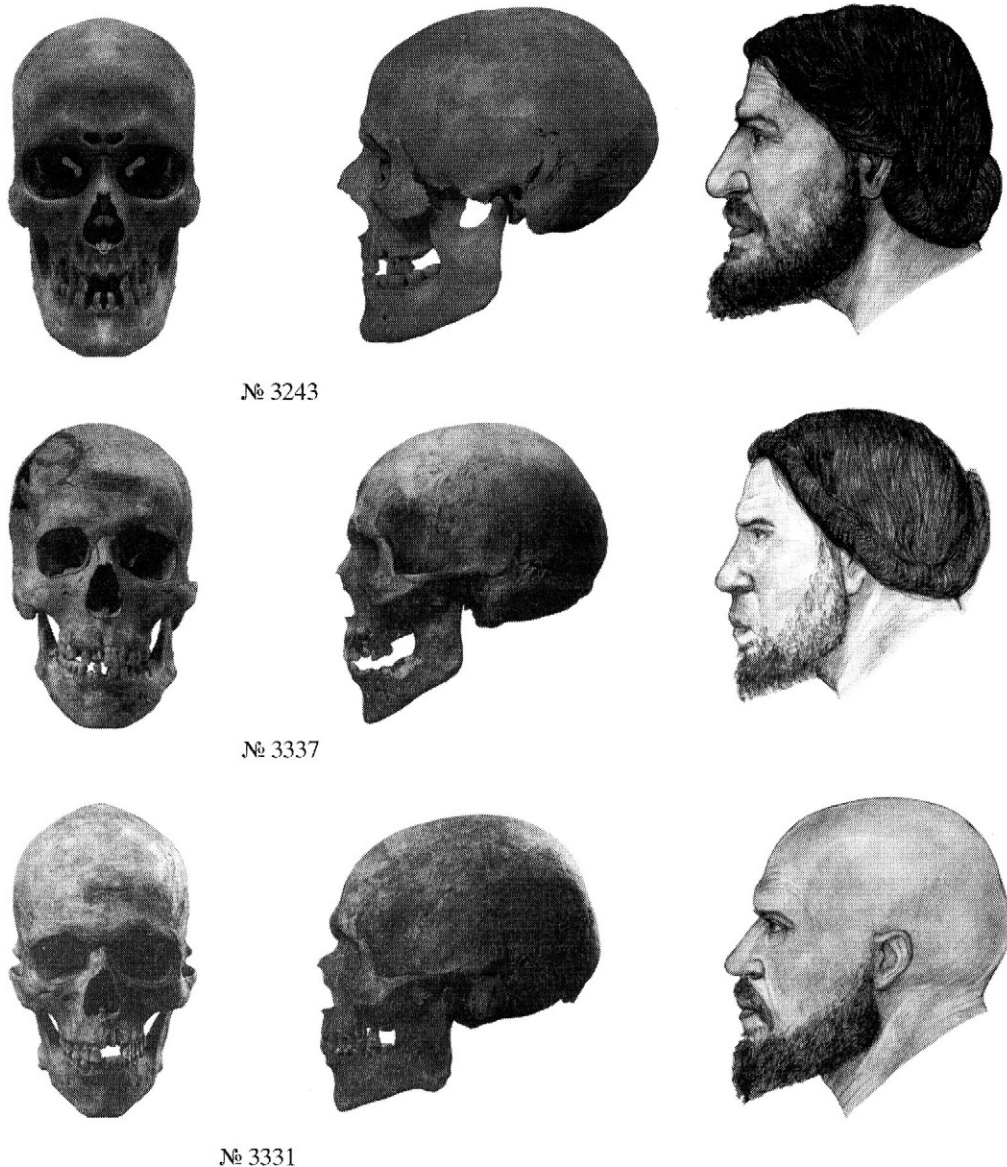
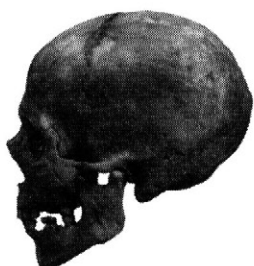

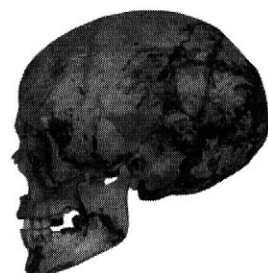
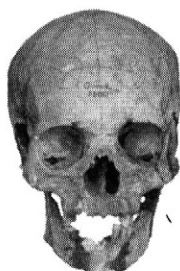
Рис. 3. Мужские черепа из Гонура и реконструкции внешности

более архаичных и более прогрессивных форм, так и в наличии веддоидной примеси, свидетельствующей об участии в сложении антропологического типа гонурцев и этого компонента.

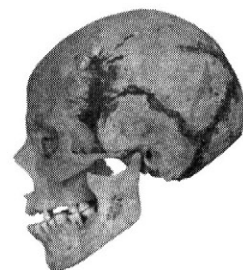
Признаки зубной системы серии из Гонура также показывают, что она отличается по комплексу признаков как от древних, так и от современных европеоидных серий ослаблением комплекса признаков западного одон-

№ 3343

№ 3380

№ 3384

Рис. 4. Женские черепа из Гонура и реконструкции внешности

тологического ствола, причем и восточные особенности в ней выражены нечетко. Можно говорить как об отнесении гонурцев к группе недифференцированных одонтологических типов, так и о ее метисном (между западным и восточным одонтологическими стволами) характере. В обоих этих случаях население, захороненное в некрополе Гонура, занимает окраинное положение, обнаруживая по уровню черт восточного комплекса сходство с большинством древних европеоидных серий, а по выраженности западного комплекса – сближается с современным населением Южной и Юго-Восточ-

ной Азии (ораонами, мунда и вьетами). Последнее обстоятельство позволяет связывать определенную специфику гонурской популяции с контактами с представителями этого региона, а также включать ее в тот древний антропологический субстрат, который был некогда довольно широко распространен на территории Передней Азии и Северной Индии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.*, 1977. Антропологические аспекты индоиранской проблемы // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии: Тез. докл. советских ученых. М.
- Алексеев В.П.*, 1981. Антропологические аспекты индоиранской проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
- Алексеев В.П.*, 1989. Историческая антропология и этногенез. М.
- Бабаков О.*, 2004. Население Гонур-депе в эпоху бронзы: (в свете данных антропологии) // У истоков цивилизации. М.
- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К.*, 2001. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сариянди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Бужилова А.П.*, 2005. Homo sapiens: История болезни. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.*, 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. Т. 1–2.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.*, 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Григорьев С.А.*, 1999. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск.
- Громов А.В.*, 1995. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. СПб. Вып. 1.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.*, 2005. Палеодемография некрополя Гонура // VI Конгресс этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.): Тез. докл. СПб.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.*, 2006. Палеодемография Гонур-депе // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.*, 2007. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде: Тр. Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М.
- Иванов В.В.*, 2004. Двадцать лет спустя: О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. М.
- Кияткина Т.П.*, 1964. Формирование антропологического облика населения Таджикистана. М.
- Кияткина Т.П.*, 1965. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе.
- Кияткина Т.П.*, 1974. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Южного Таджикистана // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.
- Кияткина Т.П.*, 1976. Материалы к антропологии Таджикистана. Душанбе.
- Кияткина Т.П.*, 1987. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе.
- Кузьмина Е.Е.*, 2005. К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев // Центральная Азия: Источники, история культура. М.
- Кузьмина Е.Е.*, 2008. Арии – путь на юг. М.; СПб.
- Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А.*, 1984. Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Кузьмина Е.Е.*, 1994. Откуда пришли индоарии? М.
- Масимов И.С.*, 1986. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент.

- Сарианиди В.И.*, 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди В.И.*, 1994. Маргиана на Древнем Востоке // Информационный бюллетень МАИКЦА. М. Вып. 19.
- Сарианиди В.И.*, 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарианиди В.И.*, 2002а. Маргуш – древневосточное царство в древней дельте реки Мургаб. Ашхабад.
- Сарианиди В.И.*, 2002б. Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мирозрение древнего населения Евразии. М.
- Сарианиди В.И.*, 2004. Страна Маргуш открывает свои тайны: Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.
- Сарианиди В.И.*, 2005. Гонур депе: город царей и богов. Ашхабад.
- Сафронов В.А.*, 1989. Индоевропейские прародины. Горький.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.*, 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Трофимова Т.А.*, 1961. Черепа из могильника тазабакьябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. М. Вып. 5.
- Удеумурадов Б.Н.*, 1993. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашхабад.
- Хиберт Ф.*, 1994. Хронология Маргианы и радиоуглеродные даты // Информационный бюллетень МАИКЦА. М. Вып. 19.
- Ходжайов Т.К.*, 1977. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепе. Ташкент.
- Ходжайов Т.К., Халилов Х.Х.*, 1978а. Новые материалы к палеоантропологии древней Бактрии // СЭ. № 5.
- Ходжайов Т.К., Халилов Х.Х.*, 1978б. Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан: (раскопки 1975 г.) // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент. № 14.
- Ходжайов Т.К., Халилов Х.Х.*, 1984. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент.
- Babakov H. (Babakov O.)*, 2002. The settlement of Gonur-Depe in the light of anthropological // Margina: Gonur-Depe Necropolis: 10 years of excavations by Ligabue study and research centre. Venezia.
- Bernhardt W.*, 1967. Human skeletal remains from the cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan: Bull. of the department of archaeology University of Peshawar. Vol. III.
- Bernhardt W.*, 1991. Ethnische Anthropologie von Afganistan, Pakistan und Kashmir. Stuttgart; New York.
- Bondioli L., Macchiarelli R.*, 2002. Paleobiology of the third millennium BC graveyard of Gonur Tepe: A preliminary report // Margiana: Gonur-Depe Necropolis. Venezia.
- Boyd W.*, 1958. Genetics and the races of man. Boston.
- Cappieri M.*, 1965. I protomediterranei dell'Asia Centrale russ // Rivista di Antropologia. Vol. LII.
- Cappieri M.*, 1973. The Iranians of the Copper-Bronze Ages. Florida.
- Cattani M.*, 2004. Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // У истоков цивилизации. М.
- Debetz G.*, 1962. Paleoanthropologie de l'Eurasie septentrionale // Atti del VI Congresso Internazionale delle scienze protohistoriche e protohistoriche I relazioni generali. Roma.
- Dubova N.A., Rykushina G.V.*, 2004. Necropolis and Area 5 of Gonur-Depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. М.
- Ehrhardt S.*, 1965. Über protohistorische menschliche Skelettfunde in Vorderindien // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Stuttgart. Bd. 56.
- Francfort H.-P.*, 1984. The Early periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian culture of Dashly // South Asian Archaeology 1981 / B. Allchin (Ed.). Cambridge.
- Francfort H.-P.*, 1989. (With contributions by C. Boisset, L. Buchet, J. Desse, J. Echallier, A. Kermorvant, G. Willcox). Fouilles de Shortughai: Recherches sur l'Asie centrale protohistorique, 2 vol. // M.M.A.f.A.C. Paris. T. II.
- Francfort H.-P.*, 2004. Animals in reality, art and myths in the Oxus Civilization (ВМАС): bison, deer // У истоков цивилизации. М.

- Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.*, 1995. Indo-European and Indo-Europeans. Berlin; New York.
- Grigoriev S.A.*, 2002. Ancient Indo-Europeans // Eurasian ancient history. Chelyabinsk. Vol. 1.
- Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M.* (Eds.), 1998. The archaeological map of the Murghab delta: Preliminary Reports 1990–95. Roma.
- Hemphill B.E.*, 1998. Biological affinities and adaptation of Bronze Age Bactrians. III: An initial craniometric assessment // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 106.
- Hemphill B.E.*, 1999. A craniometric test of three models for the origins of Bronze Age North Bactrians // American Journal of Physical Anthropology. Suppl. 28: Annual meeting issue.
- Hiebert F.*, 1994. Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. Cambridge.
- Hiebert F.T., Moore K.M.*, 2004. A small steppe site near Gonur // У истоков цивилизации. М.
- Junger H.*, 2004. A collaboration for developing archeological research in Turkmenistan // У истоков цивилизации. М.
- Lamberg-Karlovsky C.C.*, 2002. Anthropology and language: The Bronze Age Indo-Iranians // Current Anthropology. Vol. 43, N 1.
- Ligabue D., Salvatori S.*, 1989. Bactria: an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venice.
- Lyonnet B.*, 2001. Another possible interpretation of the Bactro-Margiana culture (BMAC) of Central Asia: the tin trade // South Asian Archaeology 2001 / Jarrige C., Lefevre V. (Eds.). Oxford. Vol. I: Prehistory.
- Masson V.M., Kijatkina T.P.*, 1981. Man at the dawn of civilization of Central Asia. Armonk; New York.
- Parpola A.*, 1994. Deciphering the Indus script. Cambridge.
- Rathbun T.A.*, 1972. An analysis of the skeletal material excavated at Hasanlu, Iran: M.A. Thesis. University of Kansas. 1966 / Publ. by Field Research Project. Philadelphia.
- Rathbun T.A.*, 1975. The analysis of physical characteristics and application to protohistorical and historical problem: Hasanlu, Iran // Antropologie / Moravske Muzeum-Ustav anthropos. Brno. Roč. XIII, č. 1, 2.
- Salvatori S.*, 1998. The Bronze Age in Margiana: The archaeological map of the Murghab delta. Preliminary reports 1990–95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (Eds.).
- Salvatori S., Tosi M.*, 1997. Some reflection on Shahdad and its place in the Bronze Age Middle Asia // Hakemi A. Shahdad: Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran. Rome.
- Sarianidi V.*, 1998. Margiana and protozoroastrizm. Athens.
- Sperduti A., Bondioli L., Macchiarelli R.*, 1995. Paleobiology of the third millenium BC graveyard of Gonur Tepe (Turkmenistan): A preliminary report. Roma.
- Udeumuradow B.*, 2002. Ceramic material from Gonur-depe necropolis // Margiana: Gonur necropolis. Venice.

Л.А. Чвырь

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИЙ

Бурные миграционные процессы разного масштаба – одна из узловых проблем развития современного общества в России, как, впрочем, и во всем мире, поэтому разносторонним изучением причин, форм и последствий переселения людей сейчас занимаются представители многих гуманитарных наук, в том числе и этнографы. Обозреть в небольшой статье всю панораму даже только этнографических работ этого направления нереально, да и вряд ли целесообразно. В контексте настоящего сборника гораздо продуктивнее сосредоточиться на сюжетах и вопросах, востребованных именно в археоло-